

Фэн Жун ушел из Сада камелий в разбросанных чувствах: он считал, что после появления Ли Инчуня многие вопросы разрешатся, но теперь в своей душе чувствовал лишь большую растерянность. К концу разговора юноша уверился, что Ли Инчунь говорил правду — лгать ему не было совершенно никакого смысла, — а это значило лишь то, что своевольное желание проверить прошлое Цзяннаньского хоу для Фэн Жуна оборачивалось запутанным расследованием. Юноша несколько месяцев уже служил на должности своего отца в министерстве доходов, потому могло показаться, что в поиске правды он не силен и может лишь заполнять бесконечные отчеты и прошения — однако с раннего детства Фэн Жун за присущей богатым молодым господам праздностью обладал острым умом, и теперь, подгоняемый тревогой за сестру, не планировал от этого дела так просто отступить.

Пока молодой хозяин поместья пребывал в подобных безрадостных размышлениях, Ли Инчунь после его визита откинулся на высокую спинку расшитой зеленым шелком кушетки и прикрыл глаза: даже от небольшого разговора он теперь чувствовал себя уставшим. Это, однако, не умаляло подрагивания худых пальцев: три года в заточении Ли Инчунь лишен был права говорить с людьми, его никто не навещал, а охранники и служанки его попытки завязать разговор игнорировали. Потому в душе юноши с уходом Фэн Жуна проснулось нежелание — будь его воля, он бы говорил даже с этим человеком до самого утра на бессмысленные темы.

Подобным размышлениям Ли Инчунь тяжело вздохнул — в тревожной тишине он ощущал собственную слабость и был раздражен ею. Великие предки говорили, что слово рождается во рту, но идти должно от сердца, а если кто-то готов словами разбрасываться, словно крупной — это безнадёжный человек. Своей грустью от обступившего двор спокойствия Ли Инчунь в собственных глазах пал довольно низко.

Однако покой не продлился долго: не успел юноша успокоить горло, что от долгого молчания теперь неприятно саднило, со стороны дома послышались шаги: на веранду опасно выглянула служанка, которую Фэн Жун приставил к своему гостю. Девушка обладала крепкой фигурой и миловидным лицом, но в глубине ее прищуренных глаз будто жило тщательно скрываемое коварство: на первый взгляд она ничем не отличалась от сотни других расшитых подушек в огромном поместье семьи Фэн, но Ли Инчунь быстро понял, почему для слежки за ним Фэн Жун оставил именно ее.

Заметив, что Ли Инчунь приоткрыл глаза, Фэнцзи выпрямилась и покорно опустила голову, ожидая приказаний. Она выглядела настолько кроткой и послушной, что любое сердце к одетой в нежный розовый шелк девушке невольно испытало бы привязанность и смягчилось. Кроме того, хоть Фэнцзи и носила одежду служанки, талию ее подчеркивал широкий алый пояс явно с господского плеча, а в ушах поблескивали жемчужины серег. Эти детали с одной стороны делали образ девушки еще более желанным, а с другой — показывали ее близость с Фэн Жуном. Невольно Ли Инчунь подумал: рассчитывал ли молодой господин, посылая именно ее, на возникновение между служанкой и пленником теплых до обжигающего пламени чувств?

Вздохнув, Ли Инчунь коротко подозвал Фэнцзи:

— Помоги мне подняться.

Нога юноши все еще была ранена, потому он не мог передвигаться без посторонней помощи или не держась за комнатную мебель. Фэнцзи тут же послушно приблизилась и помогла Ли Инчуню встать: то ли он был слишком худ, то ли она — слишком сильна, но ни на миг на нежном девичьем лице не отразилось усилия. Ли Инчунь почувствовал себя этим фактом несколько униженным.

Отведя юношу в покои, Фэнцзи хотела было отправиться за ужином, но Ли Инчунь, не смотря на девушку, лениво остановил ее:

— Я не голоден. Принеси лекарство господина Линя и можешь быть свободна.

На миг Фэнцзи замерла, а затем поджала губы и, кивнув, покинула комнату. Ли Инчунь проследил за ней взглядом. Как при дворе императора происходят каждый день тысячи маленьких событий и судьбоносных встреч, так и во внутренних покоях любого дома творятся свои дела: если где-то есть люди, то там же между ними будут ссоры и недопонимания.

Сад камелий располагался в приметном месте, потому, скорее всего, и был долгое время пуст: с одной стороны стеной он робко прижимался к покоям главы семьи, с другой шла крытая галерея, бегущая прямо к главным воротам между богато украшенных залов, а внутренний дворик, в котором последние дни любил сидеть Ли Инчунь, соседствовал с кухней. Вероятно, сразу за ней начиналось восточное крыло дома, и пища там готовилась как для молодого господина, так и для его обитательниц. По количеству голосов в утренние и вечерние часы Ли Инчунь понял, что в доме Фэн живет сейчас не так много господ и кроме выполнения их поручений у слуг остается время задирать друг друга.

Во второй день пребывания в поместье из-за стены Ли Инчунь слышал звонкие девичьи голоса:

— Идет мимо, а на нас и не посмотрит!

— Думает, важнее всех тут!

— Ах и бывают же люди!.. Псина с волчьим хвостом: тот прогнул и отпал уже, а все хвастается!

— Разойдитесь, пройти мешаете, — отвечал им хмурый голос. В нем Ли Инчунь тут же узнал приставленную к нему служанку, Фэнцзи. Обычно фразы девушки переливались, словно воды звонкого ручья, и взмывали в небо, подобно птицам, но сейчас в тоне ее была лишь стылая сырость холодного утра.

Служанки в ответ принялись язвительно извиняться:

— Ох, простите, барышня, не признали!

— Молодая госпожа идет! Расступитесь! Расступитесь!

— Или смогла все же забраться в постель к молодому господину и теперь из-за живота дорога кажется слишком узкой? Так в чем же здесь наша вина?!

Шуршали одежды и глухо звенели украшения дразнящихся служанок: сложно по обрывкам фраз и смешкам разобрать было, чем же они в подруге недовольны, но в каждом голосе слышалась искренняя злоба. Даже один из старших слуг, когда прикрикнул на девушек, разгоняя их, словно стайку шумных птиц, по отношению к Фэнцзи не выразил ни капли теплоты.

Когда девушка с обедом пришла в комнату Ли Инчуна, по выражению ее лица юноша не смог понять царивших в душе Фэнцзи чувств. Впрочем, он сам был слишком слаб, чтобы пытаться вникнуть в ее проблемы, потому безразлично отпустил девушку — а после в своей еде нашел мелкие камушки. Среди зерен разваренного риса они были совсем незаметны, но, если бы попали на зуб, вполне могли бы и сломать его: вытащив несколько таких «подарков» из своей

чашки, Ли Инчунь задумался.

Подобным образом пакостить ему Фэн Жун бы не стал. В чем смысл был спасать его, просить о помощи, кормить свежей рыбой и мясом, чтобы потом вот так глупо вредить? Фэнцзи тоже была своему господину слишком верна — это прочесть можно было легко в горящем взгляде девушки, — чтобы своевольничать. Оставались лишь служанки, что задирали ее по дороге. Если девушки окружили хрупкую на вид Фэнцзи, то в мельтешении их юбок и украшений она могла не заметить, как в чашку что-то подбросили. Но к чему им было поступать так?

Белоснежные камешки были неприятной находкой, но за последние три года Ли Инчунь питался и куда более отвратительными вещами, потому они совсем не умилили его аппетита. Неторопливо обедая под тихий гул голосов с другой части стены, юноша продолжал лениво рассуждать: его, словно церемониальный жезл, выкрали тайно, и знали о краже лишь Фэн Жун, Пятый принц и их доверенные слуги — куда было подобным знанием владеть мелким служанкам? Вероятно, для них Фэнцзи прислуживала сейчас не Ли Инчуню, а старику Линю, который ютился во внешней комнатухе Сада камелий.

Большая часть слуг, судя по разговорам их меж собой, была из одной местности, принадлежащей семье Фэн: детей там с раннего возраста учили грамоте и служению, чтобы после самых талантливых отправить в господский дом. Старик Линь тоже был родом оттуда, потому и молодые служанки, и их родители, и будущие дети — все ходили бы к этому лекару, который кроме сварливого нрава обладал также умелыми руками, что мелкие ссадины и синяки с лица Ли Инчуна убрали за считанные дни. Его недовольство для служанок обернулось бы проблемами. Оставался в таком случае лишь один вариант: подставить хотели саму Фэнцзи.

Ли Инчунь даже кивнул сам себе: в прошлом она была служанкой хозяина дома, но теперь в глазах других слуг стала вдруг ходить за пусть уважаемым, но безродным стариком — явно лишилась расположения. Должно быть, в прошлом другие служанки ей завидовали, но вредить не решались, боясь Фэн Жуна, а теперь хотели ее в глазах старика Линя выставить неумехой. Себя они наверняка почитали коварными лисицами, придумавшими хитрый и непонятный план, но разгадывался он, на самом деле, за несколько мгновений.

Для себя Ли Инчунь заключил, что Фэнцзи не станет жаловаться Фэн Жуну: молодой господин при встрече кроме прочего выглядел встревоженным и уставшим — куда ему разбираться со склоками слуг? Девушка предпочтет терпеть, дожидаясь, пока хозяин вновь не призовет ее к себе, а до тех пор будет насмешки и подножки игнорировать.

Ли Инчунь подумал, что она вольна поступать так, как сама хочет — но уже через пару дней изменил свое мнение. Кажется, насмешки слуг становились все неприятнее, потому как куда бы за пределы двора он не посылал Фэнцзи, всегда она задерживалась и возвращалась измотанной. В своей еде Ли Инчунь больше не находил лишних вещей, но возилась с ней Фэнцзи, проверяя, в два раза дольше; когда он просил принести воды — возвращалась мокрой с ног до головы; а в один момент на спине служанки юноша и вовсе увидел отвратительный грязевой след в форме ладони. Заметив его, Ли Инчунь живо представил, как засохшая на простом платье грязь упадет на книги или его постель, и невольно вздрогнул всем телом. Когда Фэнцзи приблизилась к нему, чтобы забрать посуду после позднего завтрака, Ли Инчунь будто случайно смахнул на ее платье чашку чая: по груди девушки тут же растеклось холодное темное пятно.

Несколько мгновений Фэнцзи молчала, не шевелясь, и Ли Инчунь точно видел, как подрагивают кончики ее пальцев в желании придушить его. За последние дни девушка

слишком часто сталкивалась с подобными «случайностями» и выдержка ее словно нагретый весенним солнцем лед на глади бурной реки стала давать трещину. Однако убийственное выражение продержалось на миловидном лице лишь мгновение: Фэнцзи улыбнулась и, не глядя на Ли Инчуня, прошептала:

— Ох, ничего, молодой господин, не извиняйтесь. Вы еще слабы, подобное случается.

Ли Инчунь и не думал извиняться: в ответ он лишь неопределенно хмыкнул. Забрав посуду, Фэнцзи поспешила прочь из комнаты, чтобы переодеться, пока юноша взял в руки дымящийся отвар, приготовленный для него стариком Линем, и неторопливо отпил. Варено было густым, тягучим, и по вкусу напоминало рыбу, будя в душе отвратительные воспоминания: Ли Инчунь старался не думать о том, что лекарь лекарство специально сделал именно таким. Старик Линь многое знал о медицине, но характером обладал подозрительным и гостю своего хозяина ни мгновения не доверял. Вероятно, ощущал звериную настороженность во взгляде и жестах Ли Инчуня, потому даже тонкий нож, которым разделявают травы, или иглы для акупунктуры никогда рядом с ним не оставлял. Лишь отвратительные лекарства.

Фэнцзи возилась довольно долго, прежде чем вернуться в комнату. Обычно на лице ее было либо отрешенное выражение, либо лицемерная улыбка: однако сейчас девушка смущенно потупила взгляд и поджала губы. Конечно, переодеваясь она заметила грязевой след на своей спине. Фэнцзи была достаточно умна, чтобы понять, для чего Ли Инчунь облил ее: указать девушке на грязь было бы слишком невежливо, к тому же свои распри с другими служанками Фэнцзи старалась скрыть — Ли Инчунь в самом деле выбрал довольно элегантный способ. Эти мысли можно было прочесть по лицу служанки, но в своей душе Ли Инчунь усмехнулся — кроме всего прочего, он просто хотел развеять мерзкое настроение от приема отвратительного лекарства. Но Фэнцзи этого, конечно, знать не полагалось.

— Спасибо, молодой господин, — склонив голову, сказала девушка. — Эта... эта служанка была невнимательна.

Ли Инчунь безразлично махнул рукой: чужие извинения его совсем не интересовали. Вместо этого он спросил:

— Когда ты уже что-то сделаешь с этим? Будешь и дальше терпеть, что о тебя ноги вытирают?

Фэнцзи поджала губы и на лице ее отразилось непримиримое упрямство:

— А что я могу? Не рассказать же, что я служу здесь по личному повелению господина... Остается лишь ждать, когда он вернет меня к себе, или когда им надоест.

Впервые с тех пор, как Фэнцзи начала прислуживать в Саду камелий, она говорила честно с хозяином павильона. Обычно общение между ними заканчивалось на коротких приказах и лживых фразах вежливости, но сейчас между двумя людьми вдруг возникло некое чувство общности и желание решить насущную проблему.

Ли Инчунь вздохнул:

— Знаешь почему, даже если ты им никогда не нравилась, они не цеплялись к тебе раньше?

— Потому что я служила лично молодому господину, — тут же ответила Фэнцзи, но юноша раздраженно махнул головой:

— Это конечно, но почему именно? Когда ты служишь важному господину — почему всякие

облезлые псы не решаются на тебя скалиться?

— Потому что... — Фэнцзи задумалась. — Боятся?

— Именно. Боятся, что ты расскажешь господину и он их накажет. Вот тебе и решение сейчас: найди кого-то, кого они снова будут бояться и покажи, что вы с ним близки.

Девушка опешила и неловко сжала в кулаках подол своего платья:

— Но... кого?

— Да мало ли в поместье Фэн людей? — фыркнул Ли Инчунь. — Например тот сяньюбиец, что всюду ходит за твоим господином — чем не кандидатура?

— Куань? — задумчиво протянула Фэнцзи. Он в самом деле был надежным человеком, но неразговорчивым и строгим, оттого многие в доме его побаивались. Если другие слуги поймут, что он оберегает Фэнцзи — не решатся больше к ней приставать. Однако мысли о том, чтобы попросить мужчину, что-то в душе Фэнцзи воспротивилось: она всегда спокойно относилась к слухам о том, что греет постель Фэн Жуну, но если нечто подобное говорить начнут про нее и Куаня... В самом деле, девушка не решилась бы тогда показать свое лицо.

— Вот он и годится, — между тем рассуждал Ли Инчунь. — Вы раньше служили молодому господину вместе, потому никто не удивится, если вдруг ваши отношения окажутся ближе. Попроси его несколько раз за тебя заступиться — и больше проблем не будет.

— Не знаю, это как-то... — замялась Фэнцзи. План был всем хорош, и она не могла придумать причину, почему воплощать его не следовало. Ли Инчунь изогнул бровь:

— Как? Еще же только лучше, если он тебе к тому же...

Однако договорить юноша не успел: внезапно в главные ворота двора тихо постучали. Когда Ли Инчунь только попал сюда, ворота завалены были всяким мусором и не открывались, однако теперь двор привели в приемлемый вид и ходить в соседний павильон можно было не только через маленькую калитку в стене, но и через обычные двери.

Фэнцзи быстро выбежала из главного дома и так же скоро вернулась: щеки девушки пылали алым то ли от смущения, то ли от быстрого бега:

— Там Куань... — пробормотала она, но, тут же собравшись, твердо передала: — Куань пришел, чтобы пригласить вас в Сад орхидей: к молодому господину прибыл Пятый принц, и они желают переговорить с вами.

Ли Инчунь медленно поднялся, опираясь на стол, ворча себе под нос:

— А принц слишком важен, чтобы своими ногами прийти к больному человеку, да? — тут же взглянув на Фэнцзи, он добавил: — Вот и твой шанс поговорить с Куанем. Пока мы будет болтать — как бы между прочим расскажи ему о своих злоключениях: он сразу предложит помощь.

— Отчего вы так уверены? — взглянув на Ли Инчуня, спросила девушка. Тот лишь пренебрежительно фыркнул:

— Да у таких как он вся душа нараспашку, стоит только взглянуть. С виду строг и холоден, но

стоит кого-то увидеть в беде — сотрет собственную кожу до костей, чтобы помочь.

Фэнцзи хотела что-то ответить, но молодые люди уже медленно доковыляли до выхода из главного дома, где их дожидался Куань. Заметив, что девушка поддерживает стоящего на одной ноге Ли Инчуня, Куань мягко отстранил ее и сам помог юноше передвигаться. Будь его воля, он вовсе взял бы его на руки, чтобы быстрее доставить господину, но боялся, что гордость Ли Инчуня такого не потерпит.

Фэн Жун и Пятый принц ожидали Ли Инчуня в библиотеке Сада орхидей, до которой добраться было быстрее, выйдя через главные ворота. Что Сад камелий, что Сад орхидей выходили в крытую галерею, по другую сторону которой был сад. От ворот павильона Ли Инчуня налево была дорога к кухне, голоса из которой он слышал, а направо — к покоям главы дома. Однако, как только двери Сада камелий открылись и в галерею, оглядываясь, вышел Куань, со стороны кухни послышались девичьи голоса: кажется, служанки покидали ее. Галерея была прямая, словно стрела, потому Ли Инчуню оставалось лишь замереть на пороге своего павильона, чтобы не попасться никому лишнему на глаза. Куань неловко замер с внешней стороны, сделав вид, чтобы дожидается кого-то, а Фэнцзи остановилась рядом с Ли Инчуном.

Служанки заметили Куаня и их голоса притихли. Ли Инчунь прикинул, что они должны сейчас были вежливо кивнуть ему и пойти в сторону восточного крыла, иногда смущенно оглядываясь — времени лучше нельзя было и придумать. Оперевшись на воротину, Ли Инчунь мягко подтолкнул задумавшуюся о чем-то Фэнцзи вперед: девушка легко поддалась, но, запнувшись о порог, упала бы на землю — если бы не Куань, тут же ее поймавший. Стараясь удержать Фэнцзи, мужчина положил руки ей на талию, а та прильнула к его груди, спрятав в ней лицо — издали могло показаться, что двое нежно обнимаются. Служанки, что в этот момент как раз покидали галерею, не могли этого не заметить.

Отстранившись от Куаня, Фэнцзи, принялась извиняться:

— Прости-прости, меня что-то ноги не держат! Ах, совсем не смотрю, куда иду!.. — объяснялась девушка нежным, словно звон колокольчиков, голоском, но стоило ей бросить взгляд на Ли Инчуня, и в нем появилось недовольство.

Куань же слабость подруги растолковал по-своему: не дав ей больше придерживать Ли Инчуня, он сам довел его до Сада орхидей, на ходу беззлобно отчитывая:

— Ты совсем умаялась, тебе бы кого в помощь. Даже в покоях господина тебе всегда Мэйцзи и Мэйхуа помогали, а тут?

— Точно-точно, — смущенно поглядывая на Ли Инчуня, говорила девушка. — Во всем ты прав.

<http://bllate.org/book/17230/1616626>